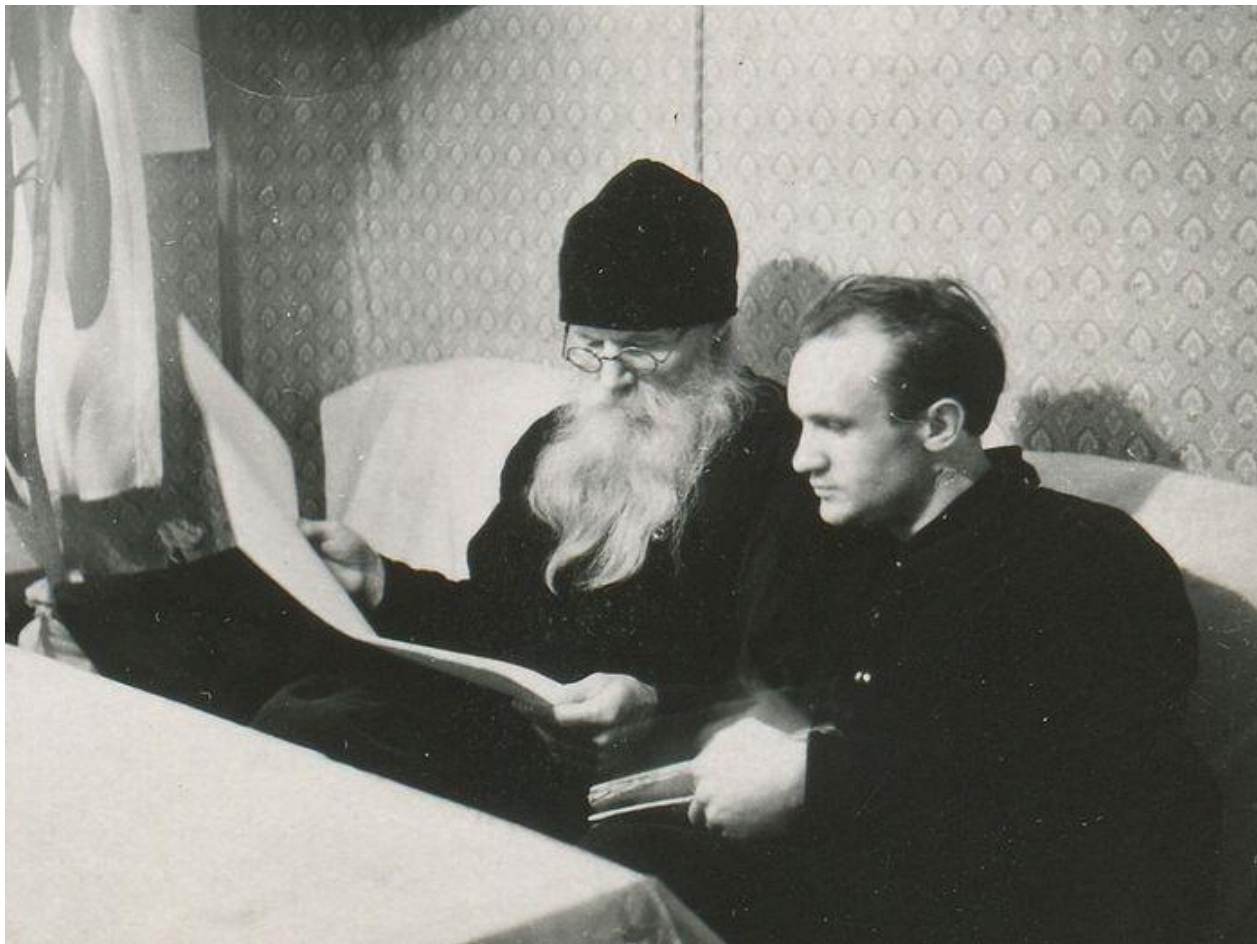

«СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК БУДЕТ БОРОТЬСЯ С ЧЕМ И КЕМ УГОДНО, НО НЕ С СОБОЙ»

Игумен Никон (Воробьев) и Алексей Осипов

О духовных наставниках и духе времени

- Алексей Ильич, вы преподаёте в МДА уже 50 лет. За это время поменялись ли как-то семинаристы?**
- Меняются в соответствии с духом времени. «Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними». Я помню, в наше время получить «неуд» было трагедией! Бедный мальчишка бегал за преподавателем и спрашивал, когда можно пересдать. А сейчас назначают пересдачу, и на нее не приходят! Только под угрозой исключения.
- В ваше время такого не было?**
- Даже представить себе невозможно было.
- А когда все поменялось?**

– Я поступил в 1958-м году. Ну, вот, в 1960–1970-е, даже до Перестройки, все сохранялось, а поменялось где-то к концу 1980-х годов.

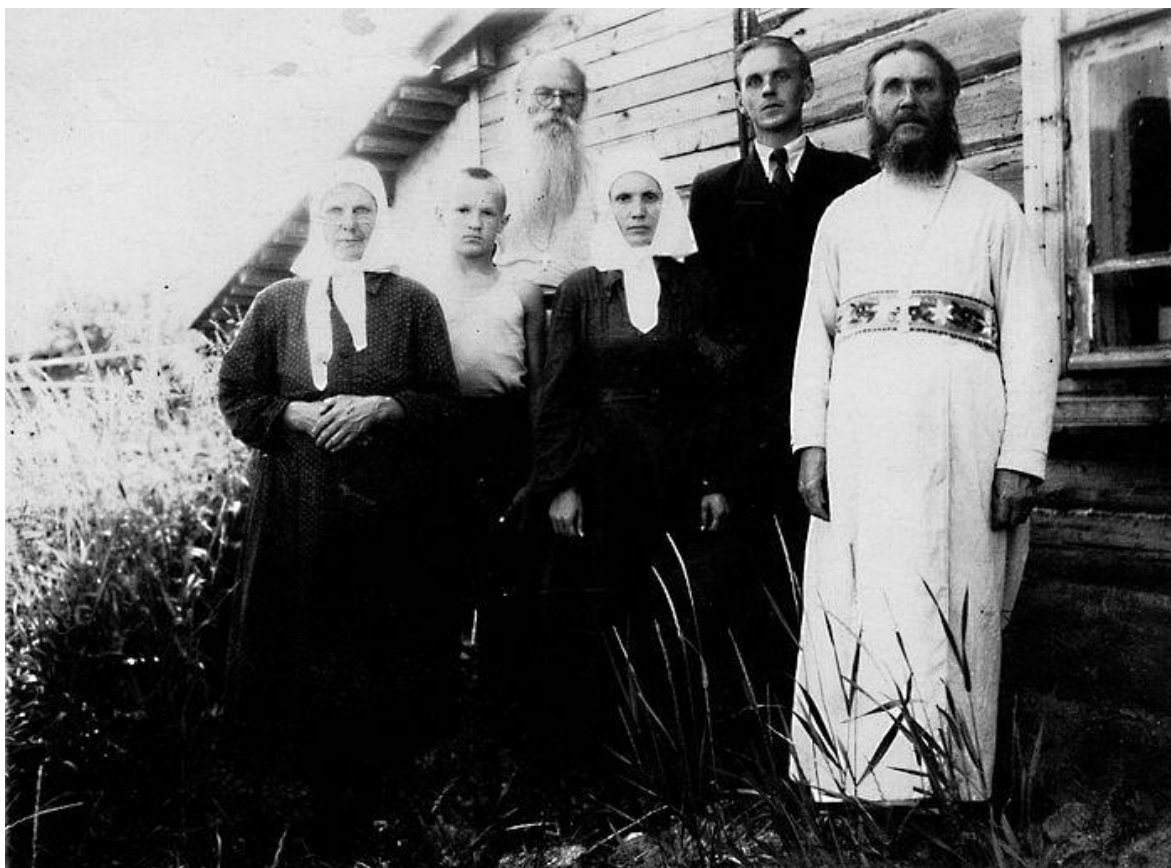
Моральный уровень был тогда все-таки гораздо выше и чище. Сейчас очень портит Интернет. Доступность всей этой грязи парализует духовность в душе человека.

– Кто больше всего повлиял на ваше становление?

– Больше всех – игумен Никон (Воробьев). И поныне, как только появляется возможность, я издаю его книги и письма во всех вариантах. Почему он произвел на меня такое впечатление? Во-первых, это человек, который более всего поражал исканием смысла жизни. Он ничего не жалел: ни времени, ни сил, ни молодости, – ничего для этого. В юности, выйдя из религиозной крестьянской семьи, он потерял веру. В реальном училище уже стал атеистом, бросился в науку, затем в философию. Кстати, он великолепно знал философию. Потом поступил в Петроградский институт психологии. Все это время он искал смысл жизни, и нашел его – это было, конечно, чудо, – нашел его в Боге. В 1931-м году он принимает монашество. Какой человек мог тогда так сделать?

– Вы знали игумена Никона лично. Расскажите о нем.

– Наше знакомство началось в Козельске. Мама искала себе духовника, и какая-то монахиня сказала: «Ну, пожалуй, отец Никон духовней будет». Он же меня подготовил и в семинарию, куда я поступил сразу на последний, четвертый, курс, сдал экзамены за три предыдущих курса.

Игумен Никон (в заднем ряду) и маленький Алеша Осипов (второй слева)

С ним можно было обсуждать любые темы. У игумена Никона не было никакой авторитарности, деспотизма, он давал свободу мысли и отвечал на все вопросы. Мне он рекомендовал читать Иоанна Лествичника и Владимира Соловьёва, авву Дорофея и какого-нибудь там Гомперца, его «Историю древней философии», историка философии Целлера и «Добротолубие». Представляете?

Я был мальчишка, который спорил с ним «на смерть». Он и сам спрашивал меня, и отвечал на все мои вопросы – и в области философии, и литературы, и богословия. Его одно время приглашали преподавать в Ленинградской духовной школе, но он отказался, понимая, что это будет очень рассеивать и отвлекать от внутренней жизни. Отец Никон был очень начитанным человеком. И именно благодаря ему я приобрел очень прочные убеждения в христианской вере.

Я пока говорил об умственной стороне дела, но не меньшее влияние он оказал на меня именно в духовном плане. Он постоянно говорил о духовной жизни и ее основных законах.

По натуре я скептик, но тут уверен, что это был действительно святой человек. Причем святой не по нравственной даже шкале (об этом и говорить нечего), но святой именно по духовной жизни. Есть много фактов, когда он прямо обнаруживал свою святость. В частности, связанных и со мной лично.

– Расскажите! Это очень интересно.

– Приведу один пример. Однажды он меня подводит к двери, берёт линейку и говорит: «Давай-ка отчеркнем, Леша, твой рост». Я, конечно, с интересом согласился. И потом каждую неделю он отчеркивал, как менялся мой рост. Продолжалось это месяца два с половиной, а потом он вдруг прекратил это делать. Я говорю: «Батюшка, ещё». Он не хочет. Я опять: «Ну, ещё!» Он ответил: «Ты что, хочешь быть выше Бога?» Но когда я затем пришел в класс, то все завопили, особенно девчонки: «Алик, какой стал!» Я подрос за эти два месяца настолько, что все были поражены. Но главное, что батюшка неожиданно начал меня измерять – и столь же неожиданно окончил. Это просто один из фактов.

– Вы можете назвать кого-то ещё, чье влияние на вас было бы сопоставимо с влиянием игумена Никона?

– Больше никого, хотя, конечно, после его кончины в 1963-м году я встречал очень хороших батюшек. Ну, чистые ангелы попадались. Но все равно, это, знаете, как ребенок или младенец в сравнении со взрослым человеком.

Еще мне очень нравился Иоанн (Крестьянкин), но я с ним никогда не встречался. Отношение у меня к нему самое положительное. И вот что поразительно: я с ним никогда не встречался, не переписывался и не

разговаривал. И вдруг однажды отец Иоанн (Крестьянкин) присылает мне свою книжку с дарственной надписью. Это был, кажется, 2000-й год.

Чем опасна современность для духовной жизни?

Святители Игнатий (Брянчанинов) и Феофан Затворник

– В своих лекциях вы особенно часто цитируете святителей Игнатия (Брянчанинова) и Феофана Затворника. Почему?

– Это хороший вопрос. Действительно, я часто обращаюсь к Игнатию (Брянчанинову) и Феофану Затворнику (к последнему, правда, реже). Дело в том, что у древних отцов, при всем их великолепии и потрясающей глубине, язык и сам их стиль мышления труден для восприятия современного человека. А отцы XIX столетия гораздо ближе к нам и поэтому более доступны по языку и характеру преподнесения тех основных истин духовной жизни, которые нам столь необходимы.

Второй момент, связанный с обращением к Игнатию (Брянчанинову) и Феофану Затворнику, заключается в том, что они смогли переложить опыт древних отцов на тот уровень, который наиболее доступен современному человеку. Человеку какому? Который даже и мечтать не может о подвигах древних отцов и тех высоких состояниях, которых они достигали. То есть их изложение уже дается применительно к нашему, я бы сказал, скудному, но пока еще христианскому уровню духовной жизни.

Конечно, если касаться Феофана Затворника, то он также интересен тем, как духовно менялся на протяжении своей жизни. Тут обращают на себя внимание несколько поразительных фактов. Например, в одном из писем

он благословляет переводить какого-то католического автора. Так и говорит: «Да, благословляю». Но проходит некоторое время, и он решительно говорит о поврежденности католицизма буквально во всем, о том, что духовная жизнь у католиков сильно искажена. И, соответственно, уже совершенно не рекомендует обращаться к католическим авторам. Или другой пример: в 1883-м году он благословляет издание «Откровенных рассказов странника», а через 10 лет категорически их запрещает и говорит, что в них есть то, что может привести к прелести.

Это только два примера. На самом деле их гораздо больше.

– А почему он так менялся, и почему именно в последние годы?

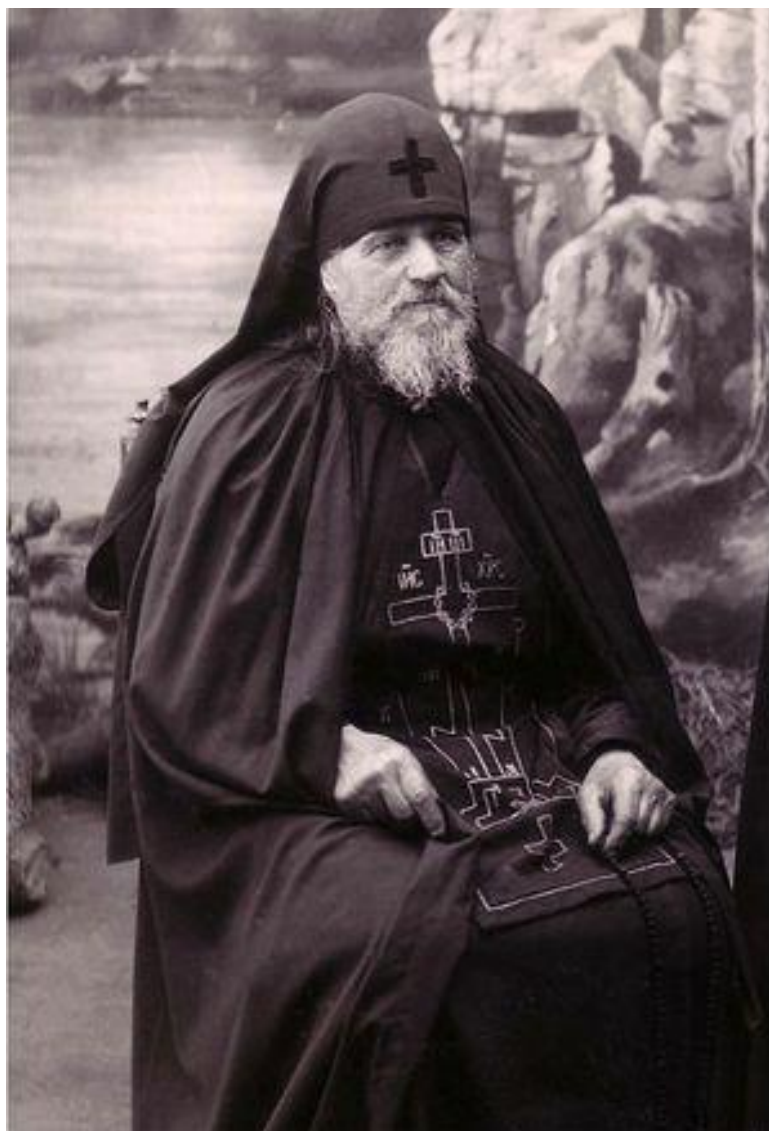
– Феофан Затворник тем интересен, что видно, как он рос в духовном плане. Мы как-то привыкли: раз святой, то, значит, одинаково свят в любой период своей жизни. Но это далеко не всегда. Если бы благоразумный разбойник что-то написал до своего распятия, мы бы стали его читать?! «Благослови, честный отче, прочести благоразумного разбойника!» Все в ужас пришли бы, пожалуй. Святость – это не то, что сразу дается, а то, что постепенно создается. Феофан Затворник в этом отношении чрезвычайно интересен.

– А не устарели ли тогда в наши дни святители Игнатий и Феофан? Все-таки и с тех пор прошло много времени, жизнь сильно поменялась. Мы живем в мире гаджетов и информационных технологий, наш век очень отличается от XIX-го.

– Вы правы. Уже и они не вполне соответствуют, как принято сейчас говорить, нашему менталитету. Сам язык очень сильно изменился. Особенно если взять язык епископа Феофана. Он не любил всяких новых словечек, не выносил никакой иностранщины. А у Игнатия (Брянчанинова) язык не столько XIX века, сколько даже конца XVIII столетия. Все труднее находить авторов, которые писали бы те же самые вещи и так же точно выражали суть духовной жизни уже на современном языке.

Правда, помню, как-то я в Финляндии зашел в магазин русской книги и увидел там письма валаамского старца – схиигумена Иоанна (Алексеева). Признаюсь, несколько небрежно взял книгу – думаю: да сколько уже было разных писем. Но, начав читать, не смог оторваться! А теперь сколько переизданий у нас сделано. Пожалуйста – современный и очень простой язык. Отец Иоанн был не очень образованный человек, но глубоко понимал духовную жизнь.

Или другая фигура – тот же игумен Никон (Воробьев), который, напротив, был очень образованным человеком. В его письмах тоже современный язык и точные, глубокие формулировки. Вот, пожалуйста, еще одно переложение, если хотите, тех же мыслей и идей, которые мы находим и у древних отцов, и у святителей Игнатия и Феофана. И это уже XX век.

Схиигумен Иоанн (Алексеев)

– Вы только что назвали уровень современной христианской жизни «скудным». Что вы имеете в виду?

– Дело вот в чем. Для того чтобы были духовные достижения, необходима соответствующая жизнь. Жизнь эта заключается, во-первых, – что всегда было очевидно для всех религий, не только для христианства, – в аскетизме. Нет аскетизма – невозможно ожидать каких-либо достижений. Но о каком аскетизме мы можем говорить сейчас? Современному человеку в условиях нашего века очень трудно проводить жизнь, которая была бы полностью отрешена от непрестанной житейской суеты и огромных информационных потоков.

Второе – даже монастыри у нас уже не те. Они сейчас, по крайней мере в преимущественной степени, а подчас почти полностью, заняты хозяйственно-туристической, извините, ошибся, паломнической деятельностью. Монахи встречаются со всеми. А смотрите, что писали святые отцы: один взгляд на женщину уже сбивает с толку. Единственное достижение, которое может иметь современный христианин и монах, –

это искренно осознать свою неспособность быть тем, кем себя называет, смириться, не осуждать других людей и действительно каяться (а не отчитываться на исповеди о проделанных грехах).

– Сегодня нередкое явление – монахи в соцсетях. Постоянно что-то пишут, комментируют. Присутствие монахов и монахинь в блогах – это нормальное явление или нет? Как вы считаете?

– Я считаю, что это уход от самого главного, потому что *царство Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 20). Есть и такое высказывание: «Монах, вышедший из кельи, уже не вернётся в неё тем же». Почему? Рассеянность, много впечатлений и новых грехов. Монашества, единогласно говорят святые отцы, нет *без умного делания*, то есть без постоянной умно-сердечной молитвы – преимущественно молитвы Иисусовой. А какое тут умное делание в сетях и блогах – одни блохи. Даже научиться более-менее нерассеянной молитве – и это оказывается уже недостижимо.

Концерт для патриарха Алексея I на день памяти свт. Филарета Московского

– Хотелось бы тогда более конкретно спросить, что именно в современности мешает сосредоточенной духовной жизни и аскетике, какие факторы? Наверно, это даже неизбежно в условиях потребительского общества, в котором мы живем?

– Тут можно отметить два пункта как минимум. Про первый я уже начал говорить. Слишком много информации, общения и впечатлений. Мы,

например, без мобильных телефонов уже жить не можем. Наша образованность и самообразование рассыпана на множество вещей. Но это состояние рассеянности. Попробуйте рассеянным светом сделать так, чтобы загорелась бумажка. А возьмите линзу, сфокусируйте лучи – и пожалуйста, все загорелось.

Второй момент, который мы должны принять, хотя это не очень приятно: идет вырождение человечества, некая деградация человеческого существа. Даже в плане психики – все больше и больше рождается больных, неполноценных людей. Их процент увеличивается буквально на глазах. В целом, современному человеку уже трудно напрячь себя для того, чтобы бороться с собой. Он будет бороться с чем угодно и кем угодно – с политиками, священнослужителями, общественными язвами, – но только не со своим самомнением и эгоизмом. Верно сказал поэт: «Да, бой с самим собой – есть самый трудный бой. Победа из побед – победа над собой». Сама сущность аскетики – борьба со страстями – можно сказать, исчезла из сознания христианской жизни, а про нехристианскую уже и не говорю.

Алексей Осипов в городе Гагарин (тогда назывался Гжатск), начало 1960-х годов

– Наверное, эти причины взаимосвязаны. Потребительское общество специально стимулирует человеческие страсти, чтобы интенсифицировать потребление.

– Да, конечно, все это взаимосвязано. Но, кстати, знаете, древние отцы говорили, что последние люди не будут иметь наших подвигов и будут неспособны на них, и указали почему. И главная причина, это очень интересно: гордые будут очень! Об этом очень многие говорили, в частности, Антоний Великий, Исаак Сириянин. Так что главная причина постепенно идущего современного вырождения – именно гордость.

– Алексей Ильич, а к вам бы сейчас обратился бы какой-нибудь светский публицист умеренно свободных взглядов и сказал бы, что вы не гуманист и просто не хотите добра человеку. Чтобы он жил удобно, хорошо, не мучил себя и близких: какая борьба со страстями, зачем это нужно? Что бы вы сказали на это?

– Я бы так сказал ему: не мучайте вы своего ребенка, пусть он будет счастлив. Не нагружайте его всякими занятиями, уроками и кружками. Дайте ему все, что он хочет. Пусть ему будет удобно и хорошо. Вы мне скажете: «Простите, а что же с ним будет дальше?» Не нужно об этом думать. Главное – счастье сейчас. Потому что христианство и говорит, что личность неуничтожима и её ожидает вечная жизнь, счастье в которой невозможно, если не будут побеждены страсти: эгоизм, зависть, самомнение, злоба и т. д.

– А вам опять-таки скажут: мы не дети, уже выросли и сами можем решать, что нам нужно.

– Вот и решайте: или мучить ребёнка школой, институтом, трудом, чтобы потом ему было хорошо в жизни, или всё оставить на произвол его желаний и увлечений. Кстати, число зависимых растёт неуклонно.

Скажите это спортсменам, тем, кто хочет чего-то достичь. Посмотрите, как они трудятся. Я как-то ехал с одним спортсменом из сборной нашей страны. Он мне рассказал, сколько они занимаются, и я в ужас пришел! Если мы хотим чего-то достичь, всегда требуется труд. Аскет – кто это такой? Спортсмен, в переводе с греческого.

– Но ради чего тренировка и все мучения, спросят вас? Зачем?

– Ради достижения главной ценности. Спортсмену, например, ценнее спортивные достижения и золотая олимпийская медаль, чем покой и сидение в мягком кресле. Так и здесь. *Мы не имеем здесь пребывающего града, а грядущего взыскую* (Евр. 13, 14), – пишет апостол Павел. То есть мы живем чем? Устремлением к вечной жизни. И поэтому мы стараемся, чтобы сейчас сделать все возможное для максимальных духовных достижений, которые будут гарантией и нашей вечной духовной жизни. Вера в вечность – вот что движет христианином.

- Получается, что возможная причина современного оскудения христианской веры та, что потеряна живая, настоящая вера в вечную жизнь?

- Достоевский об этом много пишет. В частности, например, он говорит: «Только с верой в свое бессмертие человек постигает всю разумную цель свою на земле».

- Тогда получается, что потребительское общество возникло потому, что, возможно, была утрачена такая живая вера в вечную жизнь.

- Совершенно верно. Почему и идет все время борьба религии и атеизма или материализма. Или-или. Это два несовместимых мировоззрения.

Западный комфорт нацелен на свободу страстей

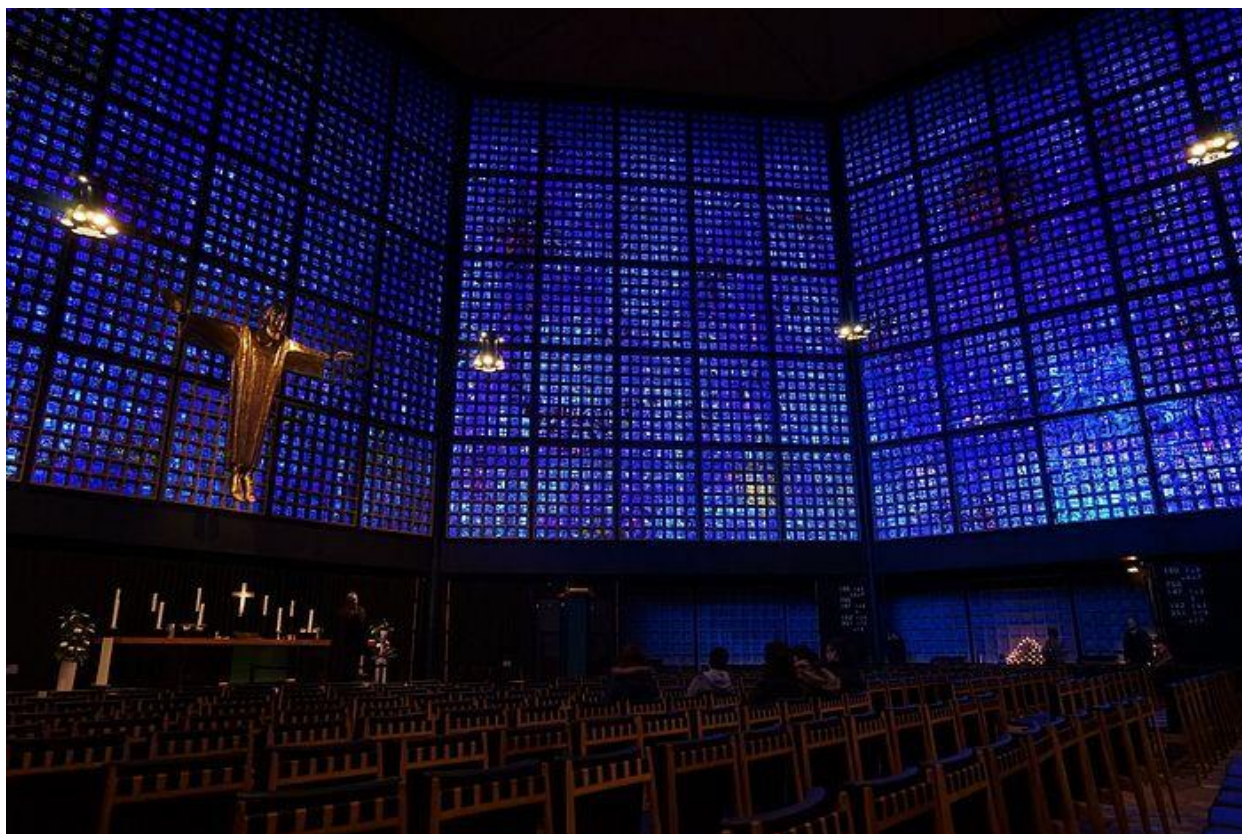
- А как вы считаете, жизненный комфорт вообще мешает духовной жизни?

- Само понятие комфорта надо бы попытаться описать и конкретизировать. Какой комфорт?

- Жизненный, социальный. Общеизвестно, например, что на Западе жизнь более устроена и благополучна, чем у нас, в России. Это тот комфорт, из-за которого некоторые наши соотечественники уезжали и продолжают уезжать за рубеж. Как вы считаете, для духовной жизни такой комфорт вреден, полезен или безразличен?

– Христианство не против того, чтобы человек имел то, что необходимо для жизни, но оно против всего того, что выходит за границы необходимости. Определить и описать эту необходимость – это уже другой вопрос. Исаак Сирин говорил интересно, что ему хватает одного хлеба в день. Однако, – добавлял он, – если я поговорю с кем-нибудь, мне и двух мало. Западная система направлена на то, чтобы создать для человеческой жизни теплую водичку. А святые отцы и аскеты говорят, что в такой тепленькой среде человек очень скоро расслабляется и ничего духовного достичь уже не может, поэтому необходим холодный душ, которым как раз и является аскеза. Без холодного душа невозможно тонизировать человека.

Западный комфорт на что нацелен? На свободу страстей. А христианство говорит, что страсти – источник страданий. И вот идет противоборство между двумя мировоззрениями: свобода страстей или борьба со страстями. Комфорт – это, в конечном счете, свобода страстей под благовидным предлогом.

Современный протестантский храм

– Тогда можно ли считать, что с духовной жизнью и духовностью дела в России обстоят лучше, чем на Западе?

– Однажды, еще в советское время, я выступал в Германии. Было очень много народу, и задали такой вопрос: «Раз у вас Церковь явно порабощена, то значит, и Церкви у вас почти нет? Зато у нас свобода, и с верой все хорошо». А я перед тем, как идти на лекцию, из любопытства как раз заглянул в какой-то протестантский храм, и отвечаю: «Очень

хорошо, прекрасный вопрос. Сегодня воскресный день, я зашел в храм, и там комфортно сидит всего несколько человек. А у нас в храме прихожане как сельди в бочке набитые, и стоят зимой несколько часов в шубах. Так скажите мне, пожалуйста: где же более живая Церковь? Вы в ванне с теплой водой, а мы под холодным душем». Им особенно понравилось про холодный душ, и они даже аплодировали.

– Но холодный душ был в советское время. Сейчас такого давления на Церковь уже нет.

– Да, холодный душ сейчас кончился. Но это опасное дело. Мы начинаем хотеть всё больше и больше и расслабляться.

– Тем не менее, насколько я знаю, вы все равно считаете, что положение с верой в России пока лучше, чем на Западе.

– Действительно, вы правы. Я считаю, что *пока* лучше. Мы ещё сохраняем некую инерцию веры в святоотеческое учение, которое говорит о необходимости борьбы с собой и своими страстями, о необходимости подвига, сохранения постов, длительных богослужений и т.д. Как Христос сказал: *Сей род изгоняется постом и молитвою* (Мф. 17, 21). На Западе этого уже практически нет. Я однажды в католической семинарии в Братиславе спросил ректора: есть у них посты? Он немного замялся, но сказал: да, есть. В Пепельную среду (у них Великий пост начинается в среду, а не в понедельник, как у нас, и этот день называется Пепельной средой) и в Страстную пятницу студенты едят один раз в день и без мяса. Исаак Сирий пишет: «Всякая молитва, в которой не утруждалось тело и не скорбело сердце, вменяется за одно с недоношенным плодом чрева, потому что такая молитва не имеет в себе души». У нас ещё сохраняется этот тонус. На Западе его вообще уже нет.

В советское время духовный уровень людей был выше

- Раз мы заговорили про советское время, было бы очень интересно спросить вас, как вы относитесь к нему и русскому коммунизму? Вы считаете, это был полный провал в истории России, или в коммунизме были какие-то свои привлекательные стороны, как ни странно?

– Парадоксально, но факт, что в нашем коммунизме еще сохранялись многие христианские идеи и принципы моральной жизни. В частности, обращаю внимание на следующую мысль. Один высокопоставленный человек сказал однажды: «Я в полном недоумении, не знаю, чему отдать предпочтение: советскому атеизму с его довольно высоким уровнем моральных требований или демократической свободе, при которой всякая мораль утрачивается?»

Сравните хотя бы мультфильмы – советские и американские. Ведь неспроста все говорят: «Советские мультики, до чего же они хороши»! С другой стороны, конечно, если взять мировоззрение советского атеизма, то это было какое-то убожество, другого слова и не подберешь. Но в то же время, помню, когда я начал преподавать «Основное богословие» в духовной академии, то стал выписывать журналы «Наука и религия», «Вопросы философии», «Вокруг света», «Наука и жизнь». И что поразительно: несмотря на господствовавший атеизм, там были интереснейшие статьи прямо христианского характера, и пища для размышлений. Итак, отвечая на ваш вопрос, скажу, что да, всё-таки в советское время, несмотря на атеизм, духовный уровень, как ни странно, был выше.

- Чем же объясняется этот парадокс, что в советское время правящая идеология была атеистической и коммунистической, но при этом духовный уровень людей был выше, чем сегодня?

– Я это объясняю некоей инерцией прошлого, было еще много людей, которые вышли из прежнего, дореволюционного времени. Моральные устои жизни еще сохранялись. Кроме того, был счастливый «железный занавес», который препятствовал проникновению западной идеологии, тех католическо-протестантских и нигилистических моральных принципов жизни, которые господствуют на Западе.

- Но сейчас ведь практически нереализуемо, чтобы появился новый «занавес».

– Да, уже всё, никаких идеологических границ не осталось. Кстати, игумен Никон (Воробьев), на которого я иногда ссылаюсь, прямо говорил и даже писал в письмах: «Хорошо, что у нас граница закрыта. Это великая милость Божия к нашему народу. Нас бы завалили (особенно Америка) дьявольской, сатанинской и сектантской литературой, а русские люди очень падки на все заграничное».

Верующие в Богоявленском соборе. 1941 г. Журнал Life

– В своих выступлениях вы иногда довольно критично говорите про дореволюционную Церковь в Синодальный период, что она стала практически государственным департаментом и поэтому потеряла свою силу. А как вам видится нынешнее ее состояние?

– Сейчас Церковь получила очень значительную свободу внутренней жизни. Однако дело в том, что свободу-то получили, а вот как воспользовались ей – уже вопрос другой. У нас очень большое внимание обращено на внешнюю сторону церковной деятельности, и гораздо меньше – на духовную. Обратите внимание, например, как проходит богослужение? Особенно когда они носят торжественный характер, когда их совершают архиереи. Фото- и телекорреспонденты со своей аппаратурой и юпитерами расхаживают по храму, расталкивая верующих, и даже по алтарю. При этом дьякон возглашает: «Оглашенные, изыдите!» Операторы, конечно, не оглашенные – они, скорее всего, просто в Бога не верят, им нет никакого дела до Бога.

Или умильное объявление в храме: «После Божественной литургии масленичные гуляния». Представляете? В Церкви это подготовка к посту, почти пост. У народа, далёкого от христианства, это время весёлых развлечений. И куда же приглашаются верующие?!

Помню, в советское время один католик откуда-то приехал в академию и в разговоре спросил: «Вот, мы стремимся привести людей к Церкви, а у вас как?» Я ответил: «А мы пытаемся не к Церкви, а в Церковь людей привести». Помню также, как в Америке один протестант мне говорил: «Мы все делаем для того, чтобы в наших храмах было не скучно, чтобы развлечь людей».

- А какой должна быть церковная жизнь? Что значит «прийти в Церковь», а не «к Церкви»?

– Если сказать прямо, то войти в Церковь означает жить по Евангельским заповедям, а не только по Моисеевым. Совестно даже говорить христианину, например, «не убий», «не укради». Христианство – это не просто нравственная жизнь, но духовная, которая заключается в решимости и умом, и сердцем (а не только поведением) жить по Евангелию и бороться со своими дурными мыслями, влечениями – всем тем, что противоречит духу правды, любви и целомудрия.

Если говорить о церковной жизни. У нас непрерывно идут всевозможные мероприятия, конференции, форумы по самым различным темам, но попробуйте найти, например, на такие темы: «Основные проблемы духовной жизни сегодня» или «Специфика православной духовности». Мы говорим о пьянстве, алкоголизме, наркомании, экономике, спорте, экологии и т. д. И хотя это для Церкви небезразлично, но разве оно является главным для христианства?

- Как вы считаете, можно ли сказать, что христианская жизнь начинается с покаяния, и главное – это видеть свои грехи? Что это, может быть, центральная вещь, благодаря которой возможно спасение? Или это упрощенное представление?

– Тут все зависит от того, как это понимать. Конечно, без видения своих грехов никакой духовной жизни быть не может. Ведь вся она состоит в постепенном исцелении от той дряни, которой в нас полно. А исцеление как возможно? Сам себя исцелить не могу. Заранее знаю, что сяду за стол и обязательно объежусь. Что же остается? «Господи, прости меня!» Только через покаяние начинается духовная жизнь. Но речь идёт об искреннем покаянии, а не о болтовне языком. И об этом говорю не от себя, а потому что об этом пишут все святые отцы. Однако при этом они самым решительным образом обращают внимание человека не просто на свои поступки, на нравственность, но на состояние души – на свои мысли, чувства, стремления, мечты, то есть на свое духовное состояние. Ибо можно быть нравственно и нормальным, а в то же время оставаться эгоистичным, самолюбивым, завистливым, тщеславным и т. д. О таких говорят: «Святой сатана».

- А что, правда: разве он плохой человек? Действительно, никому зла не сотворил. Просто хороший человек, нормальный хороший человек.

– Зла, допустим, никому не сделал, а что хорошего сделал в христианском смысле? Христос говорит: *любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас* (Мф. 5, 44). Что-либо из этого сделал? Нет. А Писание ведь говорит: *Уклонись от зла и сотвори благо* (Пс. 33, 15).

– Но вас могут спросить: **разве не надо делать дела милосердия, вести социальную деятельность и помогать нуждающимся? Возьмут и скажут: мол, профессор Осипов считает, что не надо помогать нуждающимся.**

– Дел милосердия никто не отрицает. А вот как относиться человеку к своим добрым делам – вопрос в высшей степени важный. Можно делать внешнее добро и тщеславиться, гордиться этим. И тогда оно становится для вас злом. Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал: «Телесный подвиг, не сопровождаемый душевным, более вреден, нежели полезен. Он служит причиной необыкновенного усиления душевных страстей: тщеславия, лицемерия, лукавства, гордыни, ненависти, зависти, самомнения». «Добрые дела наши должны быть скрыты не только от человеков, но и от нас самих...». То есть основное внимание должно быть обращено на состояние души, ибо без правильной внутренней основы внешняя деятельность может потерять не только все свое значение, но и обернуться против человека. Этой основой является смирение. А без смирения, говорят святые отцы, нет добра. Без смирения нет настоящей любви, а без любви нет истины, нет справедливости, нет и добродетели, ничего нет. А настоящая любовь порождается только правильным внутренним – смиренным – состоянием души.

Айфон есть, но я им не пользуюсь

Алексей Ильич Осипов на лекции

- Если позволите, еще пара личных вопросов. Ваше личное отношение к информационным технологиям – компьютер, мобильный телефон: пользуетесь ли ими, и как часто?

- Есть и мобильный телефон, и компьютер. Когда-то я писал все на бумаге, теперь я пишу все только на компьютере. Айфон есть, но я пользуюсь практически только кнопочным телефоном.

- А Интернетом часто пользуетесь?

- Почти никогда не заглядываю. Разве что иногда, когда ссылку пришлют. Он очень много времени отнимает. Одну Интернет-страницу откроешь – и поехало: одно за другим, увлекает. Тут и хватаешь себя: «Стоп! Иначе утонешь».

- То есть некая медиа-аскеза у вас есть?

- О, я аскет. Это бесспорно. *(смеется)*

- Что бы вы посоветовали нашим читателям, которых искренне интересует духовная жизнь?

- Мой совет очень личный. Поскольку найти духовно опытного наставника сейчас чрезвычайно трудно, то, как советует святой Исаак Сирий и другие отцы, следует научение, поддержку, объяснение многих вопросов, связанных с духовной жизнью, искать у святых отцов. Сейчас они издаются – это великая милость Божия. Но и святых отцов нужно правильно понимать, да и времени у людей остаётся всё меньше. Поэтому могу порекомендовать самое близкое, доступное и по языку, и по уровню нашего восприятия, и в то же время передающее все самые важные положения духовной жизни. Это письма игумении Арсении (Себряковой), Валаамского старца схиигумена Иоанна (Алексеева), игумена Никона (Воробьева).

Их мысли, идеи, учения поразительно схожи, практически один к одному. Эти книги, считаю, должны быть настольными у современного православного христианина. И не только православного. Мне пишут многие неправославные, которые начали читать их, и благодарят, потому что христианство открылось им совсем с другой стороны, по сравнению с тем, чем пронизано сейчас обмирщённое христианство на Западе, увлекающее кого-то и у нас, и чем заражена большая часть нашего народа, ищущего только чудес, исцелений, прозорливцев и предсказаний.

Беседовал Юрий Пуцаев